

С.Шилов

Иное (субстанционально-темпоральное) «естество» знания в истории европейского рационального мышления

Риторическая структура Доклада (10 сюжетов о фундаментально-темпоральном формализме мышления) заимствована из фильма братьев Вачовски «Облачный атлас»

Фундаментальным основанием европейского рационального мышления со времен античной философии до Нового времени и современности была Аристотелева логика. До сих пор она фактически остается доминирующим формализмом мышления. Без сущностной связи с ней не обходятся возникшие во множестве в качестве «строгих и точных наук» «х-логии» - от более ранних теологии, телеологии, филологии до нововременных социологии, биологии, физиологии и прочив «позитивистских наук», а также современных космологии, методологии, эпистемологии. Однако, после провала Гильбертовской программы логической формализации математики, программы, в значительной степени, резюмирующей немецкий классический объективно-идеалистический логический позитивизм, роковую роль в котором (провале) сыграли теоремы Геделя, логика терпит крах в качестве истинного формализма мышления. Усилиями логиков XX века (Фреге, Рассел, Крипке, Тарский, Минский, Тьюринг) удалось притормозить падение Аристотелевой логики, главным образом, за счет использования отдельных инструментов логического моделирования, гипостазируемых до уровня «неаристотелевых логик» (многозначные и вероятностные логики, логики возможных миров), однако, единая Аристотелева сущность всех этих логик легко проглядывает сквозь их бессилие предложить и сформулировать генезис и структуру, истину и метод математики, их бессилие перед сущностью математики, каковое бессилие является «родовой чертой» Аристотелевского проекта формализации мышления. К сожалению, крах логоцентризма все еще не осознан современным естествознанием и наукознанием в целом, а также гуманитарными науками, включая философию.

Мы еще не научились жить в научном и жизненном мире без «х-логий», давно утративших к себе доверие естествоиспытателей, верящих только прикладным наукам, к которым стали относиться и физика с математикой. И, действительно, здание современной науки, из которого последовательно и неизбежно изымаются, выпадают блоки «х-логий» подобно зданию после артобстрела, чудом уцелевшему после военных действий, если бы оно не было прикрыто панно научно-физической картины мира, написанных математической «символологией» (термин С.С. Аверинцева). И, действительно, мир, который «широко раскрытыми глазами» мы увидим как «мир без х-логий», где «х-логии» рассматривается как симулякр, утешительный фантом, - этот мир непривычен и, порой, устрашающ. В этом мире не действуют даже техно-логии, они бессильны перед тем глобальным планом бытия, который пред-стоит ныне языку и пониманию современной науки. Всё это мир деструкции, распада логоцентризма. Логоцентризм распадается по тем же смысловым и историко-философским границам, по которым он и возникал, и упрочнялся именно как Аристотелевский логоцентризм. Подобно распаду СССР по Сталинским калькам его формализации в качестве государственного формализма, «объективно-исторического», по выражению Ленина.

Каков он, этот «мир без х-логий», без привычных категориальных, эпистемологических схем, мир еще не «приготовленного к употреблению» логикой естества непосредственных знаний о мире; мир нового естества знания, нового, чем нынешнее «естество» в том смысле, что нынешнее – оно уже «не первой свежести», подвергнуто предварительной обработке, при которой теряется целостный,

универсалистский «мир-система» (термин Валлерстайна) знаний. Основоположник европейского пафоса борьбы с логоцентризмом Ж. Деррида также оказался не готов взглянуть в лицо этому миру «без х-логий», что, однако, не снижает культурную ценность его пафоса. Деррида отгородился от «мира без логики и х-логий» - «миром-текстом», «миром как литературой», спровоцировав скандал между гуманитарными и естественными науками, объявив их попросту различными жанрами текстовых работ, но *как бы* спас при этом логоцентризм и сумму х-логий в качестве содержания текстуальности как письменности. «Мир без логики», но все же «мир-система» - это мир, в котором ученый один на один с этим миром, без скафандра «х-логий», новый смысловой космос.

Вернемся к истокам Аристотелевского логоцентризма, чтобы понять как причины его многовековой omnipotentности, так и причины его нынешнего распада. Страсти по логоцентризму имеют библейский размах. Страсти «ученого народа» по смерти логики, если она, эта смерть, все же будет осознана, будут ничуть не слабее страстей простого люда по смерти «Великого вождя». «Что же будет с Университетом как судьбой людей науки?».

Логоцентризм Аристотеля, как прежде всего историко-философский феномен, можно рассматривать как продукт феноменологической редукции учения Платона, то есть как своего рода упрощение этого учения, во многом, безответственное и подвижное субъективными мотивами. Пожалуй, не многие исследователи согласятся тем, что логика – это продукт Аристотелевской интерпретации и редукции в некотором смысле упрощенного критического изложения учения Платона. В значительной степени, повод для такого историко-философского развития дал сам Платон, не выграничив текстуально явный центр своего учения. В связи с этим возникла традиция изучения проблемы «неписанного учения Платона», в которой в концентрированной форме могло содержаться само учение как «внутреннее» учение для его учеников и слушателей Академии.

«По мнению представителей тюбингенской школы, так называемых эзотеристов (Г. И. Кремер, К. Гайзер и др.), центральным в творчестве Платона было «неписанное» учение, представляющее стройную систему «математизированно-аналитической элементарной метафизики» и не нашедшее отражения в диалогах, которым, как утверждают эзотеристы, Платон отводил лишь протрепетическую, пропедевтическую роль. В этом случае активность Платона как схоларха Академии проявлялась в систематическом чтении близким ученикам курса лекций, посвященных изложению тайного для всех остальных эзотерического учения. Противоположная точка зрения изложена в работах Г. Чернисса и его последователей (Е. Тигерстедт, Л. Таран и др.), считающих, что Аристотель и другие ученики Платона слушали и читали только диалоги Платона, созданием которых и ограничилась деятельность главы школы»¹.

Поводы для гипотез о том, что деятельность Платона не сводилась к созданию диалогов и их интерпретации с учениками, существуют. «Ученик Аристотеля Аристоксен сохранил рассказ о публичной лекции "О Благости", прочитанной, вероятно, в середине 50-ых годов перед многочисленной пестрой аудиторией, которая не имела понятия о том, что могло означать у Платона понятие Благости. Во второй книге "Гармоники" Аристоксен пишет: «Вот что, по словам Аристотеля, испытали многие, слышавшие лекцию Платона "О Благости": все они пришли узнать о том, что у людей называется благостью, - о богатстве, здоровье, силе, вообще о каком-нибудь необычайном счастье. Но это оказались речи о науках - о числах, о геометрии и астрологии, о том, что Благо - Единое. И речи эти показались им странными, поэтому одни отнеслись к этому с пренебрежением, другие

---

¹ И. Н. Мочалова, Деятельность Платона в Академии и проблема «неписанной философии», Альманах «Академия». Материалы и исследования по истории платонизма. Выпуск 3 Под ред. д-ра филос. наук Р.В.Светлова и канд. филос. наук А.В.Цыба (СПб, 2000 г.).

поносили его"». ² Поводы к толкованию отрицательного отношения Платона к записи учения содержатся и в его знаменитом Седьмом письме, ³ в котором Платон вводит качественное различие между записью и устным изложением учения.

Аристотель критиковал Платона, что тот рассматривает благо не как практическое содержание государства и человеческой деятельности, но как совершенное целое, как беспредпосылочное начало. Методом и предметом размышлений и писаний Аристотеля является критика учения Платона, как некоторой феноменально явленной ему целостности в гораздо больше степени, чем это принято считать.

Существуют две важнейших линии, в которых Платон отличается от Аристотеля. Платон *эйдетически* схватывает феномен мышления в его непосредственности в гораздо больше степени, чем Аристотель.

У Аристотеля практически пропадает тот **фундаментально-онтологический интерес к числу**, который был важнейшим нервом Платоновского философствования, идущим от Пифагора. После Пифагоровского «*Всё есть число*» Платон продолжает раскрытие того, что есть **Всё**, и как именно это **Всё**, в его истине слиянности, нераздельности, изначального тождества с мыслью, есть число. И удается ему это раскрытие главным образом благодаря тому, что **Всё** для него – это не эмпирическая наблюдаемая реальность, а Парменидовское бытие и сопутствующий ему, неотчуждаемый запрет на небытие, как установка мышления на истину бытия. В Платоновском диалоге о едином и многом, глубоко проанализированном П.П. Гайденко ⁴, выделившей в обсуждении единого и многого некоторый нелогический схематизм, и неслучайно именуемом «Парменид», осуществляется творческий синтез учений Пифагора и Парменида, который выводит раннеевропейское мышление далеко на уровень грядущих веков, недостигнутый и поныне, – уровень понимания числа, как естества знания, сущностно рассматриваемого в качестве тождества-различия мышления и бытия, тождества, собственно порождающего **Всё**, и различие, порождающее каждое **Это**. Гейзенберг в своей книге «Физика и философия» говорил о том, что смыслы принципа неопределенности и квантово-механической интерпретации, которые иногда не вполне ясные даже продвинутым физикам, на его взгляд, во многом, схвачены в этом обсуждении единого и многого в диалоге «Парменид».

В разработке своих оснований математика, как раз, и пошла по пути Платона. Ведь, Канторовская теория множеств может быть рассмотрена как одна из составляющих Платоновского анализа, *анализа многого (множества) в горизонте единого*. Но, ведь, и единое субстантивируется в горизонте многого. Однако, по отношению к гипотетической теории *единств*, эксплицитно содержащихся в Платоновском учении наравне со множествами, справедливо Гераклитовское высказывание «Природа любит скрываться» ⁵, точнее говоря, единства в природе скрываются в отличие от феноменологически явленных множеств.

Канторовский формализм наивно-метафизической теории множеств *одностороннее* предложенного Платоном: Платон говорит не только о множествах, но и о единствах. Множества и единства образуют подвижный баланс сущего. По сути, в своей лекции «О Благе», как о совершенном целом, Платон говорит о *целочисленности* мира, раскрывая онтологический, бытийный корень числа.

Сущностью поворота от мифа к логосу, то есть, перво-сущностью науки является не логика Аристотеля, а число как «род природы», имеющий единый корень с родом

² Там же.

³ Платон, Собр.соч. Т.1 «Государство», М., 1971 г.

⁴ П.П. Гайденко, «Проблема единого и многого и решение её Платоном». Электронный ресурс: <http://philosophy.ru/library/gaid/gaid.html>

⁵ «Фрагменты Гераклита», в переводе М.А. Дынника. Электронный ресурс: http://www.philosophy.ru/library/antiq/geraklit/ger_othe.html

человеческим, – корень науки, естество знания и **естествоиспытания** («эксперимента»). Число как корневая идея единств и множеств, единого и многого. Целочисленность как форма сущего была через много веков осмыслена одним из основателей математического анализа – Л. Кронекером, который утверждал, что «целые числа создал бог, все остальное – дело рук человеческих». В высшей форме мышления, Платон «срачивает воедино предел и беспредельное», как Пифагоровскую математическую форму-целое и Парменидовскую интуицию бытия, предвосхищая истиной своего понимания спор-диалог в сфере оснований математики между формализмом и интуиционизмом. Именно в этом срачивании и появляется *идея (идеи)*. Идея – это первокачественность бытия, которая есть и предел целого числа, и беспредельный потенциал целочисленности как континуального ряда природы.

Мы выше ставили вопрос о мире самом по себе, «мире без логики и х-логий». Вот именно этот мир и есть мир идей. Казалось бы это мир мифа. Платон сам нередко высмеивал оторванность мира идей от мира вещей, вкладывая эти насмешки в уста Сократа. *Мир идей – это «мир-система», мир простых и неделимых чисел, мир простейшей целочисленности.*

С другой стороны, идея Платона – это «внешний вид», «эйдос», потому что она имеет за собой тело (вещь), впечатленное в мир целым числом. Как целое натуральное число, она (идея) есть «внешний вид» природы, натуры, как того первичного, что существует вокруг рода всех вещей. Здесь происходит размежевание Платона с Демокритом. На фоне этого размежевания видно, что атомизм – это вульгаризация мышления, замкнутого в порочный круг субъективности, отделенной от мир-системы. Платон и Демокрит – это размежевание целочисленности и атомизма, преодолеваемое у Платона открытием идей, истин существования простых неделимых чисел, исчисляющих мир-систему.

Под числом Платон видит слово самой простой формы и выделки, выполняющее свою основную функцию – веществование мира через именование вещи, под теорией чисел, следовательно, он понимает первую риторику, язык употребления чисел. Риторика творения – это риторика простых чисел, первокачественностей конституирующего мир-систему бытия. Число не зримо, оно про-зрачно для слова в качестве идеи. Идея – это не само зримое, но глаз мысли, зрящее, изначально знающее то, что оно зрит, поэтому Платон говорит о том, что идея припоминается. Теория числа – это теория зрака, создающего мир в овеществляющем его зрении, активном, энергийном, интенциональном, то есть всегда направленным в своем смотре на нечто.

Таков имплицитный формализм мышления, конституируемый Платоновым «припоминанием» и эксплицированный, в значительной степени, как предполагают некоторые древние и современные ученые, в его «Лекции о Благех», формализм, критически упрощенный Аристотелем в логике, из которой Аристотель изымает Эйдос.

Эйдетика Платона – это квантование мира на значимые части, вещи; идея, эйдос Платона – суть то, что для современной физики понимается в качестве кванта.

Платоновский формализм – это и есть новое, и, одновременно, древнейшее естество знания.

Таким образом, если предположить, что ключевым вопросом для истории развития естествознания является формализм мышления, в системе которого фиксируется тождество-различие мышления и бытия, мышления и природы, то можно выделить два таких формализма в истории европейского мышления от античности до наших дней – *периферийный, латентный, в определенные времена истории европейского мышления проявляющийся, глубинный и сущностный формализм Платона (формализм 1) и доминантный в традиционной истории философии, науки, обучения и образования формализм Аристотеля (формализм 2).*

Историко-генетическое соотношение между двумя этими формализмами может быть понято следующим образом. Формализм 1 несомненно богаче и полнее по смыслу, по способности схватывать и выражать единую сущность мир-мышления (мир-системы, мышления-природы), но он скорее представляет собой набор критериев, фрагментов и образцов истинной формализации, выявляемый во всем историко-философском актуальном множестве диалогов Платона в их, казалось бы бесконечном, но строгого предопределенном поиске истины. То есть это, скорее, феноменальный, незавершенный, намеченный формализм, корректирующий интуицию его исследователей.

Формализм 2 представляет собой аппроксимацию, ограниченное историко-мыслительными условиями упрощение формализма 1, смыслово-ценностно связанное с представлением мир-системы исключительно как человеческой деятельности, отграниченной от природы в качестве субъектности. В качестве такового формализм 2 представляет собой «эпоху» (от греч. «эпохэ» - задержка, остановка), эпоху Аристотелевского логоцентризма, вызвавшего остановку, задержку в становлении формализма 1 (вспомним, в частности, устойчиво негативную реакцию слушателей лекции Платона «о Благе»).

Будет, думаю, правильно поименовать формализм 1 – «**Логосом**» в Гераклитовском смысле, то есть **веществуящим мир-систему Словом**: «Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его - ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые. Ведь все совершается по этому логосу, а они уподобляются невеждам, когда приступают к таким словам и к таким делам, какие я излагаю, разделяя каждое по природе и разясняя по существу. От остальных же людей скрыто то, что они делают, бодрствуя, точно так же как они свои сны забывают»⁶. Формализм 2, которому адресован Гераклитовский упрек в вышеприведенном его суждении, и называется «**ЛОГИКОЙ**».

Что еще различает *Логос* и *Логику*?

Логос – это непосредственное тождество мышления и природы, выражаемое числом, которое, в свою очередь, является первичным выражением бытия, его простейшим словом, первопростым языком бытия, веществуящим мир.

Логос – это не текст, не письмо, но мир как текст, как книга, одна из фундаментальных частей которой (природа) написана языком математики (как теории употребления числа, как мир-системы, в которой сращены субъект и объект, где их граница условна, как граница предела и беспредельного, что впоследствии развилось в платонизме и неоплатонизме, ибо граница предела и беспредельного исчезает в отношении единого и многого).

Логос – это универсальный формализм тождества мышления и бытия. Гераклит вещает: «Поэтому необходимо следовать всеобщему. Но, хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы имело собственное понимание»⁷.

Этот формализм мышления, как Гераклитовской огонь, мерами возрождался в высших формах истории европейского мышления в тех ситуациях, когда оно попадало в логические тупики и логические же системные ограничения без надежды на спасение.

Приведем ярчайшие эпизоды явления не логики, но Логоса в истории европейской мысли, в той её линии, для которой философия Платона была бóльшей истиной, чем философия (логика) Аристотеля. Подобно сюжету фильма «Облачный атлас» перед слушателями Доклада будет представлено 10 историй, некоторым образом – в аспекте становления истории нового формализма (формализма1)– между собой связанных.

«В этом случае вся многоплановая философия Платона сводится к эзотерическому учению позднего периода, представляющему, по мнению тьюбингенцев, систематическую метафизику Бытия, онтологию во многом схожую с неоплатонистской системой. Такое понимание философии Платона позволяет тьюбингенским интерпретаторам предложить

---

⁶ Там же

⁷ Там же

свое понимание всей истории античной философии, проведя единую линию развития "истинного" платонизма от досократиков, через Платона с его единой системой универсального знания, к неоплатонизму и далее к философии Нового времени в лице Н.Кузанского, а затем Лейбница. По мнению Г.Кремера, в качестве общего принципа всех данных систем может рассматриваться возможность производить сущее из некоторого сверх-сущего основания»⁸.

До этого укажем на фундаментальные различия Логоса и логики, как двух различных *естеств* знания, разница между которыми становилась все более явственной с развитием истории мысли.

Если для Платоновского формализма число как факт языка бытия исчерпывает родовую сущность природы, производимой на основе бытия, и материя – это существование языка бытия, некое, как он говорит в «Тимее», «незаконнорожденное умозаключение»⁹, то суть этого формализма схватывается через раскрытие чисел как первых, первейше-простых слов языка бытия. Весь физический мир как растворяется в Логосе, так и возрождается из него через отношение Логоса как слова (высшей формы Логоса, «Большого», по Платону) и Логоса как числа (низшей формы Логоса, «Малого», по Платону). Физика абсолютно прозрачна, ясна и проницаема для Логоса, не являет собой отдельной от него предметной значимости и никак не противостит ему в качестве объекта. Для того, что у Аристотеля потом возникает и развертывается *на фоне Логоса*, как *Физика*, Платону достаточно такой характеристики Логоса, в аспекте его вещевания мира, как «хора», вместилище Всего, совершаемого Логосом-числом. Это отношение двух Логосов и есть Платоновская неопределенная Двоица¹⁰. Перефразируя Гераклита («Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек – но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся, мерами потухающим»¹¹) – можно сказать, что Логос как слово – это **Большой Огонь**, а логос как число – это **Малый Огонь**. Неопределенность Двоицы – это скорее принцип Огня, единый для Большого и Малого Огня, а неопределенность – это «неколичественная», качественно-сущностная, квалитативная¹² шкала Гераклитовского Огня. Для Аристотелевского формализма, в котором языко-бытийная, логосная природа числа «выведена за скобки», она вновь появляется уже вне этого формализма, как непременно добавление объекта к субъекту, к которому редуцировался формализм 2 – появляется в виде *Физики*.

Логос (Слово-Число) не нуждается в гипотезе физики, мир-система исчерпывается в нем правильным, истинным отношением числа и слова на основе учения о бытии как учения о возникновении и уничтожении-перерождении Всего.

Логика же, Формализм 2, напротив, исчерпывает свою истинность порождением физики как глыбы квази-независимого от мысли эмпиризма (от эмпирики первых натурфилософов до атомизма в его развития вплоть до физики элементарных частиц), материальности, физики как апологии объекта, отделенного от субъекта.

Число как первословная звукоформа, веществующая мир, к которой глух Аристотель в своей Логике (в редукции Логоса к Логике), возвращается к нему в монструозной, обесчисленной форме Физики, на деле, фетишизированной числа,

⁸ И. Н. Мочалова, Деятельность Платона в Академии и проблема «неписанной философии», Альманах «Академия». Материалы и исследования по истории платонизма. Выпуск 3 Под ред. д-ра филос. наук Р.В.Светлова и канд. филос. наук А.В.Цыба (СПб, 2000 г.).

⁹ Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Научно-исследовательское издание. Общая редакция А.Ф.Лосева, Я.Ф.Асмуса, А.А.Тахо-Годи. Автор вступительной статьи и статей в примечаниях А.Ф.Лосев. Перевод с древнегреческого С.С.Аверинцева, А.Н.Егунова, Н.В.Самсонова. Примечания А.А.Тахо-Годи. М.: Мысль. Редакция по изданию библиотеки «Философское наследие», 1994

¹⁰ По тексту: А.Ф.Лосев. Комментарии к Диалогам Платона. Компильация из четырехтомного издания диалогов Платона (М.: "Мысль", 1990 г.)

¹¹ «Фрагменты Гераклита», в переводе М.А. Дынника. Электронный ресурс: http://www.philosophy.ru/library/antiq/geraklit/ger_othe.html

¹² По тексту: Визгин В.П. Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М., 1982

лишенного его собственной языковой, риторической природы, Физики как неплатоновой теории Всего, в которой приходится почти случайным образом искать связь существованиевых и математических форм.

Итак, существовало ли смысловое ядро всего философского творчества Платона, выраженного в записанных диалогах и их интерпретаций, существовало ли Платоновское Единое в Платоновском Многом и вместе с ним?

Да, существовало и ныне обеспокоенно пребывает. Это Логос, как единая риторическая телесность слова и числа, утраченная в Аристотелевской критике учения Платона о беспредпосылочном Благе.

Взлет мысли Платона после первых натурфилософов, который открыл риторику как высшую форму теории Всего. После героя Платоновских диалогов Сократа уже «не следовало» говорить о природе как о «воде, воздухе, ...», это перестало быть внешним видом истины, эти слова (понятия) уже не веществовали мир. Так возникла «пайдейя» - «образование», «культура» как подлинный предмет философской деятельности, первенство творения мир-системы взяло человеческое слово – так называемый «метод Сократа», отличный от метода натурфилософов. Не вода, воздух, огонь в смысле физических первоначал после Сократа творили мир, но Слово творило Всё (мир-систему) своей прозрачно-числовой основой.

В этом смысле диалоги Платона вкупе с его неписанным (риторическим) учением можно рассматривать как Риторическую теорию Всего, включая такое основание Всего, как Число (общий корень единого и многого). Редукция Логоса к Логике – это редукция риторики, Теории Всего в понимании Платона, к логике Аристотеля, как эмпирико-практической теории коммуникации (спора, диалектики), включая споры софистов о физике, как новой теме говорения, для обретения ими большей убедительности в многознании и воздействии на слушателей. **Редукция чистого разума к коммуникационному.**

Итак, о ярчайших эпизодах явления и становления Формализма 1 в истории мышления и прежде всего в истории философии - об «Облачном атласе» Платоновского формализма.

1. Это прежде всего историко-культурное развитие Платоновской риторической теории Всего (теории Логоса) в проблеме поисков онтологического богодоказательства. Еще раз напомним основоположение этой теории. Являя собой синтез учений Пифагора (о числе как роде природы), Парменида (о бытии, о невозможности небытия), Гераклита (о логосе и его самовозрастании), Платон в своем синтетическом учении раскрывает **Всё** - как единую антропо-натурную (человеко-природную) реальность (реальность в том смысле, что помимо нее нет отдельно ни человека, ни природы, ни субъекта, ни объекта, как нет небытия, нет того, что не имеет существования само по себе, в бытийном смысле), субстанциональным планом которой (реальности) является истина бытия («естина» в Парменидовском смысле истины не только как беспредпосылочности и совершенства бытия, но и как тотального запрета на небытие, запрета, общего для природы и человека), а планом выражения этой реальности является число, целое число, самовозрастающая Пифагорейская целочисленность. **Всё** ранее бытовало как Миф, через Платона этот Мифос *естественным* образом становится Логосом. Мифос прорастает в Логосе как Эйдос, вырастает в Логос.

Платоновское достижение - **Риторичность Всего** – это Всего, абсолютной, всеобщей, всечеловеческой, вселенной реальности, расположение между некоего субстанционального плана и плана выражения, а, как известно, отношение «субстанциональный план - план выражения (мир-система)» есть не что иное, как «язык в чистом виде» (Ф. де Соссюр). Действие языка в чистом виде, творящее вещный мир через мир-систему, и есть риторика как наука и техника языка.

В этом смысле, характерно то ущербное понимание риторики, которое устоялось на многие века благодаря пониманию риторики, заложенному Аристотелем. Собственно

оно-то и осталось как нередуцируемый остаток от редукции Логоса (риторики) к логике, декомпенсированной физикой. Риторика стала искусством «говорить красиво, убедительно». Это, во многом, релевантно убеждению современных физиков, что физическая теория истинна, если имеет красивую математическую формализацию, что, в свою очередь, совершенно аналогично может быть выражено представлением, как если бы физическое знание обретало истинность только в качестве собственной физико-математической риторики («красивом и убедительном» употреблении математического языка физики).

Поиски онтологического богодоказательства явились историко-культурной формой прорывного воспроизводства формализма 1. После обогащения редуцированного логикой Аристотеля Платоновско-Гераклитовского Логоса христианской культурой Бога-Слова на всем протяжении европейского мышления то и дело возникали сполохи Гераклитовского логоса-огня. Одной из важнейших интуиций риторического учения Платона стала проблема онтологического богодоказательства, когда формализм мышления как беспредпосылочного и совершенного блага выступал под ликом абсолюта. «По общепринятому... мнению историков философии, творцом «онтологического доказательства» является Ансельм Кентерберийский (в XI веке), от которого оно было воспринято Декартом и Спинозой. Смысл его - как его обычно излагают, следуя за внешней формой рассуждения Ансельма и Декарта - состоит, как известно, в следующем. Мысля содержание того, что мы разумеем под понятием Бога, мы необходимо должны прийти к выводу, что несуществование Бога противоречило бы самому его понятию, т. е. что существование Его необходимо. А именно, под Богом мы разумеем совершеннейшее существо или существо, обладающее максимальной полнотой или богатством ("id, que majus cogitari nequit" у Ансельма - "то, больше чего ничто не мыслимо"). Но несуществующее беднее или менее совершенно, чем существующее. Следовательно, несуществование Бога заключало бы в себе логическое противоречие, требуя от нас утверждения совершеннейшего существа, которое вместе с тем несовершенно. Поэтому Бог необходимо существует»¹³.

Попытаемся достроить это онто-логическое доказательство до онто-риторического. По существу, механизм этого доказательства основан на сущности числа, как расположенного между Большим и Малым. Существует ли такое Большое, больше чего ничего не существует? Если существует самое большое (число), больше которого нет, то Бог существует как наивысшее воплощение единства наивысшего множества наисовершеннейших качеств (в духе предела качественной, квалитативной школы). Вспомним, что по Платону и Аристотелю, природа – это род, имеющий множество видов. Но на этом сходство заканчивается. По Платону, род, окружаемый тем, что при-роде, - это Всё, как оно (это всё) исходит из истины бытия и коренится в нем, то есть число. А природа, как то, что находится при роде-числе, *как бы* эманурует из него, это овеществленный, физикализированный, материализованный космос, Большое, включающее человека, как Малое, и потому несокрытое человеку в его языке, который в своем Большом пределе (то есть вне человека, во Вселенной) есть язык бытия. Существует ли число-род, включающий в себя все виды простейших, первокачественнейших чисел целочисленности (идеи)? Включает ли каталог (ряд, континуум) всех идей в себя сам этот каталог (идею, порождающую все идеи, то есть абсолютную идею)?

2. Ответ на этот вопрос, необходимый для нового этапа формализации, экспликации формализма 1 дает Николай Кузанский, ставящий вопрос о «видении Бога». Видение Бога, по Кузанцу, это риторическое вещевание мира, обладающее бытийной

---

¹³ С.Л.Франк. Онтологическое доказательство бытия Бога. Электронный источник: http://lib.ru/HRISTIAN/FRANK_S_L/bytie.txt

силой, силой языка бытия и прежде всего изначального первопростого языка бытия, языка чисел. Сила языка бытия определяется, по Кузанцу, через максимум и минимум. Из рассуждения его следует, что в целочисленности максимальным числом, числом, больше которого нет, не было и не будет, является единица. Именно сила единицы есть действующая причина видения вещей мира по-отдельности, причина мира как единого и многого. Все целые, натуральные числа – это части единицы. Природа – это натуральный ряд, целочисленность, «последовательность без последования», родом, самым большим числом которого, является единица, а видами, частями единицы, идеями единицы как рода, – целые числа.

В начале книги «Об ученом незнании» Николай Кузанский дает определение того, «что есть максимум: это то, больше которого абсолютно ничего не может быть. Но если максимум таков, то он не может быть меньше сам себя. Если максимум становится меньше максимума, он уже не является максимумом. Поэтому максимум есть и то, меньше чего ничто не может быть, — следовательно, максимум совпадает с минимумом. Но самое минимальное число — это единица; следовательно, максимум есть единица. Максимум есть всеобъемлющее, над всем возвышающееся; он выше всякого утверждения, о нем нельзя сказать, что он есть, он не больше есть, чем не есть»¹⁴. Существование этого высшего единого максимума провозглашается Николаем Кузанским как высшая истина. Этот максимум (Единица) и есть Бог. Исследуя максимум, Кузанский обнаруживает, что максимум включает в себя также и равенство с самим собой, и связь с самим собой. Тем самым начинает определяться новое риторическое полагание натурального ряда, отличное от понимания той формальной идеализации ряда, начало которой было положено Аристотелем и инкорпорировано Вейерштрассом в основу современной математики.

Аристотелевское определение натурального ряда оторвано как от физики, так и от риторики, и образует «догмат натурального ряда». Он образуется методом добавления единицы каждому предыдущему числу, чтобы получить последующее, и каждое число состоит из множества одинаковых единиц. «Натуральный ряд и сейчас является единственной математической идеализацией процессов реального счета. Это монопольное положение осеняет его ореолом некой истины в последней инстанции, абсолютной, единственно возможной, обращение к которой неизбежно во всех случаях, когда математик работает с пересчетом своих объектов. Более того, так как физик использует лишь тот аппарат, который предлагает ему математика, то абсолютная власть натурального ряда распространяется и на физику и — через посредство числовой прямой — предопределяет в значительной степени возможности физических теорий. Быть может, положение с натуральным рядом в настоящее время имеет смысл сравнить с положением евклидовой геометрии в XVIII веке, когда она была единственной геометрической теорией, а потому считалась некой абсолютной истиной, одинаково обязательной и для математиков и для физиков. Считалось само собой понятным, что физическое пространство должно идеально точно подчиняться евклидовой геометрии (а чему же еще?). Подобно этому мы считаем сейчас, что пересчет как угодно больших материальных совокупностей, измерение как угодно больших расстояний в физическом пространстве и т.п. должны подчиняться существующим схемам натурального ряда и числовой прямой (а чему же еще?). Разница лишь в том, что на первый вопрос в скобках дало ответ развитие науки в XIX — XX веке (неевклидова геометрия, а позже теория относительности), а на второй, как мне кажется, ответ предстоит еще дать»¹⁵.

3. Важнейший смысловой ход, продвигающий **формализм 1** – в условиях господства **формализма 2** – ко все большей полноте экспликации и формализации, сделан Августином. Сделан почти ровно за тысячу лет до Кузанца, но найдет он свою

¹⁴ Кузанский Н. Об ученом незнании. Кузанский Н. Соч. в 2-х т. - М., 1979 - т.1

¹⁵ П.К. Рашевский, «О догмате натурального ряда», альманах «Метафизика. ВЕК XXI». Выпуск 4 «Метафизика и математика», М., изд. Бинном, 2011 г.

реализацию в становлении нового формализма только в XX-XXI-м веках, столь велико его значение и историко-смысловое дальное действие. Можно сказать, что этот ход равновелик самому Платону. Августин дополняет Платоновскую риторическую теорию **Всего учением о времени-истине**. Напомним, что риторическая теория Всего фактически онтологизирует язык в чистом виде (язык бытия), а также и его риторическое употребление как тот способ бытия, в котором конституируется мир-система, включающая и человека. Кроме этого, это риторическое учение фундировано числом как первородной риторикой бытия (диалог «Парменид», обсуждение единого и многого).

Следующий важнейший шаг делает Августин в своей важнейшей теоретической рефлексии христианской культуры, он создает учение о времени-истине, времени-истине бытия. Этот ход совершенно незамечен на протяжении всей истории естествознания. Время в естествознании со времен Ньютона сразу безоговорочно понимается как длительность, что вполне логично, но не *логосно*. Августин понимает время **как истину бытия, как непосредственное выражение, появление, действие субстанционального плана бытия (всякое выражение есть выражение в языке, выражение истины есть выражение в языке в чистом виде, в языке бытия)**. Соединение риторической теории Всего Платона с учением Августина о времени-истине выводит на фундаментально-онтологический тезис нового неаристотелева понимания риторики **«Время есть язык бытия»**, имеющий огромное значение для будущего естествознания и грядущей техники, когда формализм 1 будет, наконец, построен и завершен. Учение Августина – это также учение об антропной сущности Христа, которое даст свой смысл антропному принципу в современной физике.

Итак *время, как действие, – это не дление (длительность), а выражение, оно не течет, не идет, а речет, формирует матема-риторический («матема» - от греч. «точное определение того, что есть») мир, мир при-роде, выражает несокрытость истины бытия*. Перефразируя Гераклита, можно сказать, что мудрость в понимании времени заключается в одном: признать время как то, что управляет всем при помощи всего во благо (целое и совершенное) бытия. «...Что такое время? Пока никто меня о том не спрашивает, я понимаю, несколько не затрудняясь; но коль скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик»¹⁶. Подчеркнем – *в логический тупик*, в самый главный логический тупик. Августин ранее Эйнштейна понимает, что прошлое, настоящее и будущее – это иллюзорные, Аристотелевские представления о времени. Время неким образом телесно, субстанционально – таково оно для жизненного мира «Исповеди» Августина. Особенность Аристотелевского представления о времени – это все тот же распад его редукционистского учения на логику, математику, физику и «приниженную, остаточную» риторику. Отказавшись от **опоры матемы на число**, как на первую речь бытия о самом себе, как это полагал Платон, Аристотель создал логику как искусственный неподлинный формализм дефиниции-матемы («определения того, что есть»), а, ведь, именно и только число есть непосредственное основание и средство самой возможности и первичной правильности («определения того, что есть»). Потеряв «естину-истину» сущего, он компенсировал это создание *Физикой*, предельно возможным образом задавив своим авторитетом *Риторику*. Логосно схватываемое бытие, время, сущее, число исчезли, вместе с ними ушла и сила, omnipotentность Слова, Логоса. Мировое и европейское мышление утратили возможность Слова как техники самой Вселенной. *Время-длительность*, понимаемой как «будущего ещё нет, прошлого уже нет, а настоящее представляет собой бесконечно краткое мгновение между прошлым и будущим, не обладающее никакой длительностью» (восходящий к Аристотелю парадокс, замеченный Августином) – онтологически ничтожно. Но Августин находит способ выявить онтологическое существо времени. Телом времени является память, в которой существует

---

¹⁶ Августин, «Исповедь» м., Азбука, 2011 г.

прошлое, настоящее и будущее, как воспоминание, созерцание (наблюдение) и ожидание. Но это, вопреки распространенному мнению, не означает психологизации проблемы времени. Гераклит говорил «Психее присущ самовозрастающий логос» и «по какому бы пути ты ни шел, границ психеи ты не найдешь; столь глубок ее логос»¹⁷.

Говоря языком современной космологии (одной из «х-логий»), в которой установился ряд гипотез ее происхождения, включая гипотезу Большого взрыва, это означает нечто странное: *началом Вселенной является память, то, что человек риторический называет памятью. В этом смысле, если говорить о течении субстанционального времени, с опорой на понимание того, что время есть язык бытия, и не длится-течет, а выражает, судит, формирует высказывания, предложения, которые создают Вселенную как наблюдаемую картину мира, то истинное, субстанциональное время «как бы (в смысле - для человека, живых систем) течет из будущего в прошлое. Идеи Платона или припоминания – это своего рода элементы исчисленного времени, текущего из будущего в прошлое. Истинная физика – это физика не материи, это физика памяти как телесности, единой событийной пространственности Вселенной, создаваемой Временем, как её фундаментальной порождающей структурой. Именно память, по Платону, это законорожденное умо-заключение в отличие от материи.*

Неужели то, что происходит сейчас, во время написания этих строк со мною, включая размышление и вывод этого текста в компьютерном формате, - это наступление моего будущего, уже вытекающего в этот самый момент из моего прошлого, куда оно предварительно попало задолго до настоящего момента? Вот такая «квантовая запутанность». Память – это не-логоцентричное, но *логосоцентричное, хроноцентричное пространство*, это при-рода (то, что *при-роде*), окружающее время, как язык бытия, создающее память. Можно предположить, что выявленные современной наукой 95% темной материи и темной энергии – это и есть память в вышеуказанном логосном смысле.

Вселенная сделана Логосом (Временем) из памяти как субстанции времени. Итак, «Всё» в риторической теории Всего Платона усилиями Августина раскрывается как память. «Всё»-память – это весьма напоминает современное представление компьютерных наук о «данных», базах данных, о всеохватной базе «данных», алгоритмах их организации, системах использования, которые и есть «мир-системы». Концепция Большого взрыва – это именно космология, одна из «х-логий», она начинается не с сущности числа Платоновской риторической теории памяти, а с логической формальной точки бифуркации, искусственно оторванной от числа и от слова, в то время как точка не предшествует Логосу, а выводится из него. Концепция Большого взрыва – продукт геометризации физики, в то время как необходима комплексная программа рефлексии, риторизации физики, где язык физики (в его понятиях, матемах, разделах – в формах употреблений этого языка, включая эксперимент) должен быть понят как описание субстанционального времени.

То есть от антропного принципа, это логического тупика современной космологии, утверждающей, что человек – это неслучайная мера физических констант Вселенной, мы должны, по сути, перейти к Гераклитовскому пониманию, когда «спящих называет он сотрудниками и работниками того, что происходит в космосе»¹⁸. Идеация человека материализована, как Вселенная. То, что идеально, в человеке (язык, мышление, слово, время человеческого бытия) – материализовано во Вселенной в своем Большом пределе и развивается сообразно модели, закрепленной в человеке. Но физика, физическая картина мира, этот костыль, с помощью которого логика изображает риторику и случайным образом связывает готовые математические украшения языка физики с физическими

---

¹⁷ «Фрагменты Гераклита», в переводе М.А. Дынника. Электронный ресурс: http://www.philosophy.ru/library/antiq/geraklit/ger_othe.html

¹⁸ Там же

проблемами и изъянами, не дает увидеть «широко раскрытыми глазами» новую картину миру, когда Человек будет однопорядков и соразмерен Вселенной посредством новой сущности техники.

4. Лейбниц – трагическая фигура в истории естествознания. В его лице Платоновский формализм вступил в борьбу с формализмом логики, обеспечивавшим систему механики Ньютона, и проиграл, впрочем, не без продуктивных идей для дальнейшей экспликации формализма 1. С одной стороны, Лейбниц выдвинул идею возможной аналогизации натурального ряда и природы как время-пространственного событийного ряда. На полях «Монадологии» он оставил запись: «Когда Бог считает, он создает мир». Что было совершенно невозможно на основе догмата натурального ряда, где последовательность чисел была редуцирована до механизма «добавления единицы», что входило в явное противоречие с событийностью физики, измеримой в числах. Догматизированный логически натуральный ряд, по Ньютону (и, добавим, Аристотелю) сам по себе ничего не мог создать, это был вполне искусственный формализм, отдельный от физической событийности. С другой стороны, Лейбниц соревновался с Ньютоном в приоритете за открытие дифференциально-интегрального исчисления, в каком соревновании проиграл, так как явно и остро переживал хотя и востребованность для современной ему науки, но недостаточность этого Ньютонского формализма относительно требований **формализма 1, - в логицизме Ньютона формализма не хватало главного – того, что Лейбниц в «Монадологии» называл «жизненной силой»**.

Тем самым он сформулировал такое важнейшее качество формализма 1, как формализм жизненной силы, живых систем.

Именно осознание недостаточной истинности системы Ньютона побуждает Лейбница приступить к созданию дополнительного исчисления – «исчисления мыслей», как он его называет. Тем самым трагически перечеркивается Платоновская идея теории Всего: противопоставлены, казалось бы, навеки отныне субъект с его исчислением мыслей и данный субъекту объект-природа с его дифференциально-интегральным исчислением. Эта модель отныне становится образцом устройства науки. Субъект математизирует, объект физикализуется с употреблением математических конструкций и форматов, созданных субъектом. Это устройство науки, вполне себе Аристотелево, трагично для идеи Платона. Однако, Платоновская идея опять возродится в пору научной революции начала XX века, Гейзенберг говорил об этом так: «Современная физика идёт вперёд по тому же пути, по которому шли Платон и пифагорейцы. Это развитие физики выглядит так, словно в конце его будет установлена очень простая формулировка закона природы, такая простая, какой её надеялся увидеть ещё Платон. Трудно указать какое-нибудь прочное основание для этой надежды на простоту, помимо того факта, что до сих пор основные уравнения физики записывались простыми математическими формулами. Подобный факт согласуется с религией пифагорейцев, и многие физики в этом отношении разделяют их веру, однако до сих пор ещё никто не дал действительно убедительного доказательства, что это должно быть именно так»¹⁹.

Лейбницу принадлежит важнейшая, до сих пор неоцененная заслуга начальной проблематизации догмата натурального ряда, как чего-то абсолютного отдельного от универсальных рядов природы, он ставит под вопрос логическую природу натурального ряда. Речь идет о феномене простого числа в структуре «исчисления мыслей». «Идея состояла в том, чтобы всякому термину (предложения, силлогизма) приписывать определенное число, соблюдая условие, чтобы термину, составленному из других терминов, соответствовало число, образованное произведением чисел этих терминов. Далее, установив общее свойство таких «характеров» (и используя лишь такие числа, которые соответствуют этому свойству), можно было бы устанавливать, корректны ли те

---

¹⁹ В. Гейзенберг, Физика и философия, М., Наука, 1989. Перевод с немецкого И. А. Акчурина и Э. П. Андреева.

или иные выводы по форме. В работах апреля 1679 г. Лейбниц испытывал в качестве «характеров» простые числа. Их он приписывал простым терминам, а произведения соответствующих простых чисел — сложным терминам, составленным из простых. Объектом приложения «характеристики» являлись формы аристотелевской логики, традицию которой он высоко чтит и стремился продолжить. В «Элементах универсальной характеристики» Лейбниц предлагает следующие правила применения числовых обозначений к категорическим предложениям: для истинного общеутвердительного предложения необходимо, чтобы число субъекта точно делилось на число предиката; для истинного частноутвердительного предложения достаточно, чтобы или число субъекта точно делилось на число предиката, или число предиката — на число субъекта; для истинного общеотрицательного предложения необходимо, чтобы ни число субъекта точно не делилось на число предиката, ни число предиката — на число субъекта; для истинного частноотрицательного предложения необходимо, чтобы число субъекта точно не делилось на число предиката».²⁰

В «Монадологии» сделана попытка восстановить единство формально-математического и формально-логического исчислений. Однако, это оказалась спекулятивная, в Гегелевском смысле, попытка, субъект и объект были, казалось бы разделены уже непроницаемой стеной между законами логики и законами природы, как и во всех «х-логиях». Потребна была **монадософия**, как новая недогматизированная теория натурального ряда, как языка, творящего физическую событийность. *В монадософии выделялись бы такие компоненты истинного натурального ряда как целочисленного континуума, как:*

*субстанциональная единица (самое большое число, род),
целые числа (как части единицы всех вероятностей разбиений (деления нацело) на части, например, 237584 частей единицы, а не 237584 единиц),
и истинностно-конечностные части единицы (простые числа), как первокачественности, единственным образом уникализующие целое число неповторяющимся набором простых сомножителей – согласно основной теореме арифметики, которую можно было бы назвать математическим представлением принципа индивидуации²¹, принципа уникализации в формализме 1).*

5. В условиях господства в Европейском университете формализма 2 Кант под именем своего базового труда «Критика чистого разума» фактически поставил вопрос о системе чистого разума, о формализме 1. Как и Платон в лекции «О Благе», Кант рассматривает в качестве целеполагания системы чистого разума необходимость соотносываться с высшим, то есть «беспредпосылочным» благом. Своим тезисом о том, что бытие не есть реальный предикат, Кант вывел учение о бытии из пут множества еще не укрепившихся, только возникавших тогда «х-логий», грядущую пролиферацию которых он предвидел и, вероятно, стремился профилактировать, ведь каждая из них

---

²⁰ Субботин А.Л., Логические труды Лейбница: Лейбниц Г. В. Сочинения в четырех томах: Т. 3.— М.: Мысль, 1984 г.

²¹ ИНДИВИДУАЦИЯ - (от лат. *individuat*), проявление живой и неживой природы как множества неповторимых индивидов — сходных, но не тождественных (напр., сходных, но не тождественных личностей; сходных, но не тождественных состояний атомов и т. п.). И. выражается в утверждении, что для любых двух индивидов найдётся разделяющий их признак. Это — т. н. принцип индивидуации, являющийся классическим утверждением о существовании, поскольку эффективного способа разыскания разделяющего (индивидуализирующего) признака при этом не требуют, предполагая, что индивидуация может зависеть от актуально бесконечного разнообразия свойств. Термин «принцип индивидуации» встречается впервые у Фомы Аквинского в одноименном сочинении «Принцип индивидуации» («*De principio individuationis*»), но идея принадлежит стоикам. Электронный ресурс: «Философская энциклопедия» http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/2350

претендовала на предмет и метод, отличный от других, на свою предметную область, свою реальность.

Гегелю удалось создать тот кентаврический (логосно-логический), но впечатляющий продукт, который с точки зрения нашего исследования можно назвать феноменологией формализма 1, который пользуясь концепт термином С.С. Аверинцева, мы сегодня можем назвать «*опытом дефинирующего разума*»²². Вместо придуманных марксистами диалектических спиралей развития Гегель феноменально говорит о монадософском формализме, представляющем собой цепочку первокачественностей и, самое главное, говорит о его генезисе и универсальной структуре в терминах учения о бытии, не переводя этот формализм на язык математики, ведь время торжества вычислительных процессов еще не пришло. В первой главе «Науки Логики» Гегель говорит о базовом отношении бытия и ничто, порождающем цепочку первокачественностей (цепочку риторических нечто) и впервые раскрывает «цепную структуру» как дефинитивный процесс, различающий природу и мышление, как всего лишь означаемое и означающее, но, в целом, одно единое системы чистого разума. Это, безусловно, прорывной шаг в становлении формализма 1 как логосного формализма меганауки риторики.

б. Если поименовать вещи своими именами, употребимыми в языке современной науки, где дефинитивный процесс может быть релевантным образом поддержан вычислительным процессом, то для искомого формализма (формализма дефинитивного процесса) может быть предложена генерирующая процедура своего рода **конструктивистско-онтологической математики** – отношение единицы и нуля (деление единицы на ноль), последовательно порождающее («последовательность без последования» – в смысле традиционного концепта натурального ряда, СШ, а в духе Николая Кузанского) цепочку простых чисел (первокачественностей), коммутирующих в целочисленный континуум супернатурального ряда, как время-пространственного фактического ряда природы. Как говорил проницательный Ландау, «простые числа созданы для того, чтобы их умножать». Гераклит же говорил «о самовозрастании Логоса». Дефиниция (душа матемы)– генерализующая и пространствосозидающая, металингвистическая функция времени, как в жизненном мире человека (идентификации), так и в физикалистском мире природы (уникализация событий, реализация вероятностей).

7. Аристотелевский формализм затонул, как «Титаник» в начале прошлого века. Айсбергом для него стали: комплекс теорем Геделя, пробивших брешь в Гильбертовской программе тотально-логической формализации математики. Я представляю этот комплекс, как решительным образом намечающий проект доформализации формализма 1 (Платоновской теории Всего) через структурные ограничения, останавливающие *как бы* истинность формализма 2 (Аристотелевой логики). Как известно, «для осуществления своей программы Гильберт разработал строгую логическую теорию доказательств, с помощью которой непротиворечивость математики свелась бы к доказательству непротиворечивости арифметики. При этом Гильберт использовал только общепризнанные логические средства. Его программа оказалась невыполнимой, как впоследствии установил К. Гёдель. Наиболее известное в этом плане достижение Гёделя — это сформулированные и доказанные им **теоремы о неполноте**. Одна из них гласит, что любая эффективно аксиоматизируемая теория, в достаточно богатом языке, достаточно для определения натуральных чисел и операций сложения и умножения является неполной либо противоречивой. Неполнота означает наличие высказываний, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть, исходя из **аксиом** этой теории. Противоречивость — возможность доказать любое высказывание: как истинное так и ложное. То есть, это две теоремы математической логики о принципиальных

²² Аверинцев С.С. Литературные теории в составе средневекового типа культуры.// Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М.: Наука, 1986.

ограничениях *формальной арифметики* и, как следствие, всякой *формальной системы*, в которой можно определить основные арифметические понятия: **натуральные числа, 0, 1, сложение и умножение**. Первая теорема утверждает, что если формальная арифметика непротиворечива, то в ней **существует невыводимая и непроверяемая формула**. Вторая теорема утверждает, что если формальная арифметика непротиворечива, то в ней **невыводима некоторая формула, содержательно утверждающая непротиворечивость этой арифметики**²³. Итак, логический формализм был подвергнут деструкции. Однако, *Гедель очертил через пределы этой деструкции возможность сверхсущей, сверхлогической формализации, он вывел нас на истину Платоновской теории Всего как истинной непротиворечивой арифметики (риторической теории чисел) – на существование Платоновской арифметики и существование невыводимой и непроверяемой формулы в этой истинной арифметике*. То есть Геделевская деструкция – это, по сути, простор для **формализма 1**. *Эта формула, невыводимая и непроверяемая, - формула единицы: «единица есть множество простых чисел». Она раскрывает универсальный бытийный, конструктивно-онтологический формализм дефинитивного процесса (математы строго и точно определяемого нечто через совокупность (множество) его предикатов), как родового процесса для мысли и природы. Откуда же, из какого внешнего целочисленной Кронекеровской математике источника выведена эта формула? Не из неё самой, а из той предметной области, которую она описывает (творение мира языком бытия – временем). В той же универсальной предметной области нескрыта и истина (непроверяемость) этой формулы, в качестве истины творения мира языком бытия – временем. Она выведена из референцизации арифметики, преобразовании её в соответствии с учением о бытии, с логосным формализмом 1, с риторико-числовым логосом Платона – в целочисленную арифметику, описывающую учение о бытии и времени как языке бытия.*

Иголкой «единицы», изготовленной еще Николаем Кузанским, Гедель проткнул пузырь Аристотелевского безжизненно-логического формализма.

Неслучайно Гедель был уверен²⁴, что ближе всех к раскрытию тайны жизненной силы, живых систем подошел Лейбниц.

Тем самым прежде всего проблематизируется основа арифметики – натуральный ряд, разрушается Аристотелевско-Вейерштрассовский догмат натурального ряда. В статье проф. П.К. Рашевского приводятся в качестве эпиграфа слова оппонента Вейерштрасса Л. Кронекера: «Целые числа создал господь Бог, остальное — дело рук человеческих». «Конечно, никто в настоящее время не воспринимает слова Л.Кронекера в буквальном смысле, да вряд ли понимал их буквально и он сам. Но если прочесть их в надлежащей транскрипции, то они, пожалуй, выражают в некотором смысле господствующее умонастроение математиков до нашего времени включительно»²⁵. Очевидно, завет построения целочисленной арифметики предстоит выполнить и таким образом, что она же и станет первой физикой. То есть при неизменности догмата натурального ряда, теоремы Геделя – это приговор нынешней арифметике, математике и физике. Но, вот, при новом понимании натурального ряда как целочисленного континуума теоремы Геделя открывают простор истинной формализации – формуле единицы, о которой говорил Гейзенберг: «Современная физика идёт вперёд по тому же пути, по которому шли Платон и пифагорейцы. Это развитие физики выглядит так, словно в конце его будет установлена очень простая формулировка закона природы, такая простая, какой её надеялся увидеть ещё Платон».

²³ Электронный источник: «Википедия», статьи «Гильберт», «Гедель»

²⁴ Электронный источник: <http://y-i-p.livejournal.com/822261.html>

²⁵ П.К. Рашевский, «О догмате натурального ряда», альманах «Метафизика. ВЕК XXI». Выпуск 4 «Метафизика и математика», М., изд. Бинум, 2011 г

С логической теорией множеств Кантора, которую иногда называли «наивно-метафизической», произошло примерно то же, что и с программой Гильберта. Кантор разработал свою программу логической формализации, в рамках которой любой математический объект должен был оказываться тем или иным «множеством». Но от него ускользнула такая составляющая Платоновской теории Всего, как теория единств, идей. Кантор только давал определения вроде «множество есть многое, мыслимое как единое». Кроме того, непримиримым противником для него был тот же Кронекер, протестовавший против неопределенности понятия «элемент множества», с его точки зрения элементами множества могли быть только натуральные числа. Ту же роль, что для программы Гильберта сыграли теоремы Геделя, для теории множеств Кантора сыграли антиномии Рассела. Эти антиномии показывали противоречивость теории множеств при оперировании с бесконечностями как континуальными множествами, и вызвали раскол математики на дискретную и континуальную (непрерывную). Попытками выхода из этого логического тупика стало создания многочисленных консенсусных моделей и теорий континуума, но все эти модели были основаны на логическом консенсусе. Новым предложением, основанном на риторическом логосе Платона, является идея целочисленного континуума, где базовым континуальным множеством является множество простых чисел, образующееся конструктивно-онтологически – в качестве последовательности результатов деления единицы на ноль и цепной реакции коммутации простых сомножителей, в результате которой образуются все составные целые числа. Целочисленный континуум – это риторический континуум, Платоновская «хора»²⁶.

Представлю художественный пример усмотрения целочисленной континуальности языка бытия: «Однажды, на острове Западного Самоа, в самом центре Тихого Океана, я сидел с моей Викторией в "Философском Кафе". Звучала гитара Chris Spheeris — *The Arrow*. Музыка, природа и сама обстановка "Фило-Кафе" располагали к созерцанию. Дул слабый ветер, поднимая покатую волну, которая с журчанием, водоворотами скатывалась с песчаного берега. Наблюдая за уходящей вдаль береговой линией, я *вслушивался и всматривался* в разговор *солнечного луча* (света форм — *lux formalis no Гроссетесту*), *ветра, океана и берега*. На каком же языке шел этот разговор, полный *взаимопонимания*? Вспомнились древнегреческая *"богиня формы" Эйдотея* — дочь Протея, этого неуловимого "пастуха тюленых стад", образ которого — *аллегория материи*. И Эйдотея неожиданно дает "подсказку"(как и *Менелаю*, чтобы он смог вывести у Протея путь возвращения на Родину): "Узревай самое *"форму форм"*, его *"первосхему"*, которая задает все проявленное многообразие языка". И что же? Солнце "говорило" на *"линейном языке"* — *первой мере* "дома Бытия". Океан отвечал ему на *"волновом"*. Ветер пел на *"вихревом"*. И одновременно все они "говорили", переходя с одной меры на другую, с помощью *"диалектов - переходов" на основании единого Закона*. Так достигалось *взаимопонимание* в природе»²⁷.

8. «В "Тимее" Платон учит, что окружающий нас физический космос представляет собой живое и мыслящее существо... Максимально насыщенное бытие трактуется у Платона как живое существо... Мифос, как и логос, является формой знания о мире (речь о мире) - такой способ знания, при котором рассказывают историю его происхождения (генезис). В этом смысле миф есть также определенный способ понимания мира. О том,

²⁶ понятие философии постмодернизма, фиксирующее в своем содержании феномен самодвижения семиотических сред, характеризующегося имманентными пульсационными версификациями своего направления и форм. Данное понятие было введено в философский оборот Платоном для обозначения перманентного круговорота бытия в себе самом: 'вечно движущееся, возникающее в некоем месте и вновь из него возникающее' — вне выхода за собственные пределы ('Тимей'). «Философская энциклопедия», Электронный источник:

http://dic.academic.ru/dic.nsf/history_of_philosophy/597/%D0%A5%D0%9E%D0%A0%D0%90

²⁷ В. Рогожкин, «Бытие & Закон & ОнтоТопоЛогия», Электронный источник: <http://ideabank.narod.ru/rus.html>

что непосредственно есть (о явлениях) складывается повествование, излагающее их сущность. Так, в диалоге Платона “Тимей” мифологически раскрывается сущность мира через рассказ о генезисе космоса... Однако знание в форме мифа обладает той особенностью, что является непрозрачным. Речь вот о чем. Всякое знание есть знание о чем-то, является, по сути, чем-то интенциональным. Миф как вид знания также претендует на смысловую связь с реальным. Однако на деле оказывается, что его смысл установить не так-то просто. Миф повествует о мире - это бесспорно, но таким способом, что в рассказе нельзя обнаружить прочной связи с реальностью».²⁸ Платон изначально не разделяет мифос и логос²⁹. Можно сказать, что риторический логос всегда есть и картина мира. Платон использует мифос для того, чтобы сделать логос беспредпосылочным, связанным только с числом мира, но не с его визуальным многообразием, при этом все визуальное многообразие мира не должно рассматриваться как достоверное. Мифос, пусть и в отрицательном смысле, но все же включаемый в логос, фальсифицирует в нем физическое, материальное, наблюдаемое, эмпирическое, открывая за ним истинное, осязаемую мыслью, прощупываемую высказыванием реальность. Замена общезначимого мифа на новый миф, новую, уже внутреннюю картину мира, создает новый мир, новую картину физики, которую физик не всегда осознает как солиптическую картину мира, когда истоком его научных представлений является его собственное Я.

В этом смысле именно Эйнштейн, опираясь на солиптическую картину мира (вспомним его интерес к Беркли, Юму), подготовил традиционную физическую картину мира к её сворачиванию в риторико-математическую. То, что Эйнштейн, понимает под физической теорией, которая должна быть математически прекрасна и достаточно безумна, чтобы быть гениальной, — это теория риторическая, в ней уже нет физико-математической теории, нет математизированной физики, но есть проект новой сущности техники как языка физики. Проект новой сущности техники как языка физики – это, по существу, проект языка физики как языка времени, посредством которой время создает событийную пространственность, пространственный мир. Язык физики – это дом времени, так можно сказать, перефразируя Хайдеггера. Техника языка физики, или новая сущность техники, – это способ Солиптического Человека изменять, преобразовать мир-систему, саму Вселенную в то, что представляет себе Солиптический человек. Таково неаристотелево представление физики, которое институционализировал Эйнштейн в качестве «чистого разума», вдохновляющее многие поколения физиков на создание физики как системы чистого разума. Антропный принцип³⁰, будоражащий современных физиков, — это логический тупик, где человек фактически замещает бога. Все становится на свои места, когда сознание понимается как «солиптическая машина», находящаяся в различных пропозициях с реальностью Вселенной, частично сознаваемой, частично сознающей. Все это вопрос о языке. Языке времени, языке бытия, человеческом языке, и о самом времени как о языке бытия, языке языков, универсальном языке.

9. В Аристотелевском формализме язык не выступает в качестве omnipotentной силы, своим достоинством и мощью создающей мир-систему. Поэтому все явления Платоновского формализма были феноменально связаны с онтологической институционализацией языка в чистом виде. Первым в прошлом веке онтологизировал

²⁸ Лосев А.Ф. Тимей. Мифологическая диалектика космоса//Платон Филеб. Государство. Тимей, Критий, М., 1999, с. 603

²⁹ И. Н. Мочалова, Деятельность Платона в Академии и проблема «неписанной философии», Альманах «Академия». Материалы и исследования по истории платонизма. Выпуск 3 Под ред. д-ра филос. наук Р.В.Светлова и канд. филос. наук А.В.Цыба (СПб, 2000 г.).

³⁰ Сильный вариант Антропного принципа сформулирован в 1983 году Джоном Уилером: «Наблюдатели необходимы для обретения Вселенной бытия». Смягченный вариант: «Мы видим Вселенную такой, потому что только в такой Вселенной мог возникнуть наблюдатель, человек». Этот принцип был предложен с целью объяснить, с научной точки зрения, почему в наблюдаемой нами Вселенной имеет место ряд нетривиальных соотношений между фундаментальными физическими параметрами, которые необходимы для существования разумной жизни. Электронный ресурс: *Википедия*. Статья «Антропный принцип»

язык Витгенштейн. Однако, по Витгенштейну, язык отражает мир, потому что его логическая структура идентична фундаментально-онтологической структуре мира. Соответственно и его фундаментальная работа, созданная в окопах первой мировой войны» называется поэтому «Логико-философский трактат». Но значение этой работы, все еще находящейся под спудом логоцентризма, в том и состоит, что в ней и во всем последующем творчестве Витгенштейна, где многократно пересматриваются отношения языка и мира, язык показывает свою свободную от логики природу, природу риторико-числового логоса. Представим себе мысленный эксперимент по пересмотру отношений языка и мира в стратегии доминанции Платоновского формализма мышления. Проект этой стратегии носил бы имя «Риторико-математический (матема-риторический) трактат».

Его центральный тезис был бы таков:

- Язык, как репрезентант бытия, детерминирует мир-систему: жизненный мир человека, его судьбу, язык бытия детерминирует пространственно-событийный мир Вселенной, потому что глубинная риторическая структура языка, языка бытия идентична математической структуре научного сознания и Вселенной; эта идентичность имеет природу субстанционального Времени, времени человеческого бытия, времени-пространству Вселенной;
- Мир состоит из фактов времени, а не из объектов пространства. Факты времени – это языковые факты. Первичными языковыми фактами являются числа. Мир представляет собой целочисленный континуум в аспекте структуры мира. Первичные языковые факты (первокачественности) могут быть как простыми числами, так и их коммутациями.
- Объекты (пространственные) суть то, что, образуется первичными языковыми фактами времени. Формальные объекты обладают логико-геометрической формой — набором свойств, которые позволяют им вступать в те или иные формальные, вероятностные отношения, реальные объекты - риторическо-числовой формой, которая детерминирует отношения объектов истинным образом реализованной вероятности.
- В языке простые объекты описываются простыми предложениями-визуализациями, которые индексируются простыми числами. Простые числа, а не имена, являются простейшими языковыми единицами. Сложным объектам соответствуют сложные предложения.
- Весь язык — это целочисленный континуум, произведение всего и управление всем, что есть в мире, то есть произведение всех фактов (простых и сложных), объектов (простых и сложных). Вне языка нет факта. Вне факта нет объекта.
- Язык не допускает неограниченности фактов. Язык не подчиняется законам логики, потому что он сам и есть универсальный формализм мысли, сверхсущностно превосходящий логику. Все предложения, не нарушающие законы логики и не относящиеся к языковым фактам, при этом будучи хотя бы как-то и наблюдаемы субъектом, полагаются бессмысленными. Этика, эстетика и философия возможны исключительно как этос, пафос и логос риторики.
- «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» — таков последний афоризм «Трактата» Витгенштейна. «О чем невозможно говорить, то следует исчислять», - говорит гипотетический «Риторико-математический трактат».
- Сознание – это солиптическая капсула языка.
- Предложение, высказывание – это цель движения сознания.

Именно так понятый язык и является «домом бытия» по Хайдеггеру. Язык, способный хранить и выражать истину бытия, практически возводится Хайдеггером до времени-истины как личной повседневности, как природы, как «несокрытости» рода. Как известно, знаменитая книга Хайдеггера «Бытие и Время» задумывалась в двух частях, вторая часть должна была именоваться «Время и Бытие», но так и не была написана.

Время у Хайдеггера все более удалялось от понятия времени у гениев научной революции начала прошлого века, и все более приближалось ко времени человеческого существования в некоем прочном доме смысловых устоев и ценностей сознания, времени человеческого бытия, и рост влияния Хайдеггера был обусловлен ростом понимания того, что у времени физики и времени человеческого есть общий корень. Но этот обратный ход от Времени к Бытию, по его собственному признанию, Хайдеггеру не удалось проделать. Это означало бы найти новую истину, новый формально-содержательный исток нового мышления, новый язык бытия, выражающий обновленную истину бытия. Путь от времени к бытию означал бы новое естество знания и формализацию новой сущности техники, ибо сущностью техники является формализм мышления, тождественный формализму природы. Аристотелю, логика которого была лишена Логоса, к логическому формализму мышления (формализму 2) пришлось добавить физику, формализм природы.

Гуссерль и Хайдеггер, как учитель, создавший феноменологию, и ученик, преобразовавший феноменологию в фундаментальную онтологию, - это один историко-философский сюжет. Но есть еще один сюжет – о том, к каким образцам естества знания стремились Гуссерль и Хайдеггер, а, судя по их биографиям, математика была для обоих чем-то вроде «врожденной идеи». Гуссерль был подающим надежду математиком и учеником Вейерштрасса, он пришел в философию из математики и поставил перед собой цель создать философию как строгую и точную науку по математическому образцу. В случае Хайдеггера его биографы отмечают уникальную математическую интуицию и способности, которые могли бы сделать его учеником Кронекера, это адепта целочисленности и оппонента Вейерштрасса. Позиция Кронекера-Хайдеггера – это позиция о том, что строгость и точность самой математике придает её феноменологическая ориентация на учение и представления о бытии, что математике предшествует матема (дефинитивный процесс). Позиция Вейерштрасса-Гуссерля не выводит строгость и точность математики из матемы или иного внеположенного начала, а конституирует математику из нее самой как беспредпосылочной науки, имеющей собственные проблемы и задачи формализации. Пожалуй, если бы Гуссерль и Хайдеггер стали выдающимися математиками, то первый был бы сторонником непрерывной математики, а второй – «дискретчиком». Но первый стал философским теоретиком сознания и продолжателем Аристотеля, а второй – философским теоретиком субстантивации языка между понятиями «времени» и «бытия» и современным XX-му веку наследником Платона. Этот сюжет – все та же причудливая коллизия между формализмом 1 и формализмом 2, но уже в XX-м веке. Завершается эта коллизия, в конечном итоге, философией Жака Деррида, который предаёт анафеме философский и не только логоцентризм, и связывает будущее европейской науки с риторикой, как с новым формализмом мышления. Но на этом завершается и западноевропейская метафизика, структурным базисом которой всегда была Аристотелева логика. Остается только время и бытие сами по себе, а также язык – и все это безо всякой логической, категориальной и схематической связности. Еще в конце XVIII века немецкий филолог, философ, мистик Гаман пронизательно писал выдающемуся немецкому историку культуры Гердеру: «Если бы я был столь же красноречив, как Демосфен, то не смог бы большего, чем трижды повторить: разум – это язык, логос. Этому я верен до мозга костей и буду верен до смерти. И все же в глубине своей он остается чем-то темным для меня; я как бы жду апокалипсического ангела с ключами от этой бездны»³¹.

Риторика, как наука о генезисе и структуре, истине и методе языка, восстановленная в своей глубинной, логосной сущности, перестраивает, деконструирует картину логоцентрического, метафизического мира, включая мир естествознания, вводя в последний то, что Хайдеггер называет «временем картины мира». Филолог-классик Вернер Йегер охарактеризовал риторику как первый гуманизм, как «риторическую

³¹ Hamanns Schriften. Ed. Roth VII, s. 151 f.

пайдейю», то есть как движущую силу культуры, образования. Об этом же напоминает нам Д. Макклоски, признанная Нобелевским экономическим институтом одним из 9 ныне живущих великих экономистов мира, в своей программной статье «Риторика этой экономической науки»³². Хайдеггер пишет: «Пайдейя означает обращение всего человека в смысле приучающего перенесения его из круга ближайших вещей, с которыми он сталкивается, в другую область, где является сущее само по себе».³³ То есть риторика – это прежде всего сила абстрагирования, рефлексии, отвлечения от эмпирических начал к мир-системе, это истина и метод мир-системного анализа. Логика же такой истиной и методической силой не обладает.

Вместо резюме. Перспективы формализма 1 для становления единой гуманитарно-технотронной цивилизации.

Историко-мыслительная экспликация и достройка Платоновского формализма мышления в то время, когда все яснее осознается немощь, или, по крайней мере, системная «поли-органонная» недостаточность логоцентризма как претензии на метод универсальной теории мир-систем, - это, пожалуй, более верный путь, чем многочисленные редакции и модификации формализма 2 (логики). На место логики приходит математическая риторика, или «новый центр» - «хроноцентризм», как подвижный баланс сущего между числом и словом. В современной физике, обязанной своему рождению недостаточностью логики для выражения истины сущего, не может быть определения времени, кроме как конвенционального, релятивистского. Это определение приходит извне, из Платоновской системы чистого разума, определение времени как языка бытия, созидающего пространство живых систем Вселенной, как человеческий язык создает жизненный мир человека, мир риторически фундированных поступков и событий.

Платоновский формализм демонстрирует свою omnipotentность, формализуя саму физику как монадософию субстанционального времени. Все понятия и разделы физики тогда оказываются монадами субстанции времени как языка бытия, и выводятся из субстанции собственно языковыми методами. **Риторическая концепция натурального ряда** на новом уровне возвращает идею натурального ряда к тождеству с идеей природы – на уровне целочисленного континуума, внешней формы, эйдоса языка числа. Платоновский формализм определяется как пространство, порождаемое временем целочисленного континуума. То есть этот формализм управляет временем-пространством через единственно существующее и реальное множество теории единств-множеств – множество простых чисел. Нет ничего более историко-философски оправданного, чем то, что Платон хотел бы видеть итоговой формулой теории всего – формулу единицы. Если современные физики пойдут той же дорогой, что Платон и пифагорейцы, то они создадут-откроют «...нет, ни общую теории поля, ни бозон Хиггса», а сущность единицы, механику времени, основанную на таком референте, как учение о бытии и его языке - времени, создающем событийно-содержательное пространство.

Механика времени раскроет сущность техники, техники самой природы, Вселенной. Природа как «нетьюринговый вычислитель», солиптическая машина времени, микромодель которой воплощена таким разумным существом, как человек. Сегодня за квантовым компьютером, по существу, стоит именно такая «нетьюринговая машина». Такой частный случай возможных применений квантового компьютера, если он будет построен, как «Приложения квантового компьютера к криптографии»³⁴, станет основой

³² «Философия экономики». Антология. Издательство Института Гайдара, 2012 г.

³³ Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

³⁴ Благодаря огромной скорости разложения на простые множители, квантовый компьютер позволит расшифровывать сообщения, зашифрованные при помощи популярного асимметричного криптографического алгоритма RSA. До сих пор этот алгоритм считается сравнительно надёжным, так как эффективный способ разложения чисел на простые множители для классического компьютера в настоящее

этой новой целочисленной, точнее просточисленной машины, солиптическая машина времени будет работать на простых числах. «Квант-идея-простое число-эйдос» - это один и тот же операционально-базовый компонент Платоновского формализма мир-системы чистого разума, Рода Природы как универсального Вычислителя.

время неизвестен. Для того, например, чтобы получить доступ к кредитной карте, нужно разложить на два простых множителя число длиной в сотни цифр. Даже для самых быстрых современных компьютеров выполнение этой задачи заняло бы больше времени, чем возраст Вселенной, в сотни раз. Благодаря алгоритму Шора эта задача становится вполне осуществимой, если квантовый компьютер будет построен.

Электронный ресурс: «Википедия»:

http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%ED%E2%FB%E9_%D0%EA%D0%EC%E2%FC%E2%F0